

## МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АФРИКЕ И ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ КО ВТОРОМУ САММИТУ “РОССИЯ–АФРИКА”

© 2023 г. Г. М. Сидорова<sup>а,\*</sup>, Н. А. Жерлицына<sup>а,\*\*</sup>

<sup>а</sup>Институт Африки РАН, Москва, Россия

\*E-mail: gal\_sid@mail.ru

\*\*E-mail: ns\_inafr@mail.ru

Поступила в редакцию 08.08.2022 г.

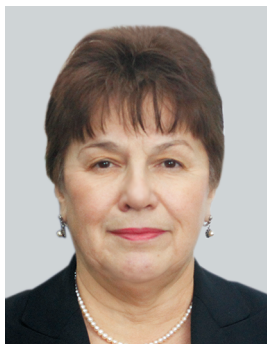
После доработки 10.10.2022 г.

Принята к публикации 05.11.2022 г.

Общеизвестно, что в последние десятилетия нарастают масштабы миграционных процессов, охвативших практически все континенты. В статье предпринимается попытка оценить миграцию в Африке в зоне Сахеля и государствах южнее Сахары, как законную, так и незаконную, выявить её причины, а также установить связь между конфликтами и их последствиями. Кроме того, поставлена задача проанализировать основные маршруты миграций. Авторы исследовали миграционные процессы в таких странах, как Буркина Фасо, Нигер, ДР Конго, Центральная Африканская Республика, Чад и других. Эти страны объединяет слабость государственных силовых структур, не способных пока самостоятельно решать задачи национальной безопасности. Осложняют обстановку экстремистские организации типа Боко Харам, терроризирующие местное население. Не могут решить задачу безопасности и бывшие метрополии. Новизна исследования состоит в установлении взаимосвязи между конфликтами и миграциями. Формулируется вывод о том, что проблема миграций может быть решена только при условии политического и экономического усиления стран региона, когда внешняя помощь будет направляться не на вооружение, а на цели развития. Важная роль в обеспечении безопасности границ и гражданского населения должна принадлежать национальным силовым структурам при опоре на международную поддержку. По мнению авторов, в ближайшей перспективе, при сохранении нестабильной военно-политической и экономической ситуации в ряде государств, миграции на континенте будут только усиливаться.

**Ключевые слова:** Африка южнее Сахары, Сахель, миграционные процессы, вооружённые конфликты, беженцы, исламистский радикализм, национальная стабильность, международная безопасность, экстернализация миграции.

**DOI:** 10.31857/S0869587323020093, **EDN:** FDHTQF



СИДОРОВА Галина Михайловна — доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки ИАФР РАН. ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии ИАФР РАН.

Вооружённые конфликты и их связь с массовыми перемещениями людей на африканском континенте всё чаще привлекают внимание учёных. События в африканских государствах сказываются на ситуации в различных странах мира, куда прибывают мигранты, дестабилизируя там обстановку, подрывая национальную безопасность. Массовое стихийное перемещение людей порождает сложные, порой неразрешимые политические, социальные или религиозные конфликты. Кроме того, миграция стала оказывать воздействие на облик принимающих стран, изменяя демографическую, культурную и социально-политическую картину.

XXI столетие стало веком глобальной миграции. За последние десять лет число мигрантов в мире увеличилось вдвое по сравнению с 2012 г. По словам верховного комиссара ООН по делам беженцев Филиппо Гранди, “каждый год последне-

го десятилетия число беженцев росло. Либо международное сообщество объединится, чтобы принять меры по преодолению этой человеческой трагедии, разрешению конфликтов и поиску долгосрочных решений, либо эта ужасная тенденция сохранится” [1]. В миграционные процессы включено большинство стран и регионов мира. Из-за конфликтов в 2021 г. почти 51 млн человек стали внутренне перемещёнными лицами, один человек из 88 стал беженцем, а это составляет 1% мирового населения [2]. К середине 2021 г. на положении вынужденно перемещённых лиц во всём мире оказались 84 млн человек (к концу 2020 г. — 82.4 млн). Почти 50.9 млн человек были вынуждены покинуть свои дома в результате конфликтов, 4.4 млн искали убежище, а 26.6 млн были вынуждены стать беженцами [3]. Причём дети и подростки в возрасте до 18 лет составляют 42% всех вынужденно перемещённых лиц; это самая уязвимая социальная группа, особенно когда кризисы продолжаются годами. По оценке Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), почти миллион детей родились беженцами в период с 2018 по 2020 г.

Согласно данным Агентства ООН по делам беженцев, охватывающим период с января по июнь 2021 г., число перемещённых лиц относительно 2020 г. заметно увеличилось, несмотря на ограничения, введённые в связи с пандемией ковида [4]. В первую очередь это обусловлено многочисленными конфликтами в странах Африки: активные внутренние миграции были зафиксированы в Демократической Республике Конго (1.3 млн человек) и Эфиопии (1.2 млн). В последнее десятилетие особое внимание привлекает Сахель как регион, где отмечен целый ряд серьёзных кризисов, каждый из которых негативно влияет на международную стабильность. Буркина-Фасо, Мали, Мавритания, Чад и Нигер — одни из самых бедных и слабых стран в мире; обстановка в них характеризуется политической нестабильностью, хроническим насилием, транснациональной организованной преступностью, джихадистскими мятежами, гуманитарными кризисами и, как следствие, крупномасштабной миграцией или перемещением населения. Кризис в Сахеле, начавшийся в Мали в 2012 г., распространился на соседние Буркина-Фасо и Нигер и с тех пор неуклонно усиливается, особенно с 2020 г. За последние годы эскалация насилия в регионе Центрального Сахеля привела к увеличению числа перемещённых лиц с 70 тыс. в 2018 г. до 1.5 млн в 2020 г. В Буркина-Фасо число беженцев увеличилось более чем на 100% с начала 2020 г. [5].

Методология, применявшаяся в работе над данной статьей, обусловлена комплексным характером исследования. Тесная связь между безопасностью и миграцией подтолкнула авторов к применению *критической теории* в качестве ме-

тодологической основы. Эта теория позволяет выявить модели поведения, обусловленные политическими решениями, которые не являются ни естественными, ни необратимыми, ни неизменными. Глобализация и интернационализация миграции рассматриваются как угроза международной безопасности, в том числе для принимающих стран. Анализировался широкий круг работ как по общей теории миграции [6, 18, 19], так и посвящённых ситуации в странах Центральной Африки и Сахеле [9–13, 15], а также документы ООН и Мирового банка последних лет [1–5, 7, 14, 16].

## ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

Главной причиной массового перемещения населения в Африке по-прежнему являются вооружённые конфликты, а вместе с ними — разгул боевиков незаконных вооружённых формирований, нарушение прав человека, снижение уровня жизни. Хотя, конечно, этим не ограничиваются истоки этого явления. К примеру, нередко причиной возникновения конфликтов бывают сепаратистские настроения различных этносов, претендующих на отделение от государства или предоставление им автономии, обострение религиозного противостояния [6].

В 2021–2022 гг. вооружённые конфликты в ряде стран субсахарской Африки характеризовались высоким уровнем смертности, ранений, психологических травм и сексуального насилия среди гражданского населения, практикой применения пыток, разлучением семей и исчезновением гражданских лиц. В результате конфликтов повреждены или разрушены объекты критически важной инфраструктуры, что нарушало работу жизненно важных служб водоснабжения, санитарии, электроснабжения и здравоохранения. Злоупотребление цифровыми технологиями способствовало распространению ложной информации, дезинформации и ненависти, подпитывая конфликт и повышая риски причинения вреда мирным жителям. Военные действия, бюрократические препятствия, негативное воздействие санкций и контртеррористических мер на гуманитарную деятельность, насилие в отношении гуманитарного персонала и имущества и другие трудности — всё это затрудняло помощь гражданскому населению [3].

Со времени обретения независимости Центральноафриканской Республикой в 1960 г. и до военного переворота А. Колингбы в 1981 г. у власти находились представители одной семьи из немногочисленного этноса нгбака, выражавшие интерес своей этнической группы, проживающей на юге страны. Положение доминирующих групп существенно изменилось в 1990-х годах, к власти пришли группы с севера страны. В резуль-

тате началось противостояние новой и отстранённой политических элит. В ЦАР с разной степенью интенсивности вспыхивали вооружённые конфликты, в основном между представителями христианской и мусульманской общин, которые достигли своего апогея к концу 2012 г., когда столкновения между боевиками христианского ополчения “Антибалака” и исламистской коалиции “Селека” охватили практически всю территорию ЦАР. Только через 10 лет, весной 2022 г., правительству удалось вытеснить вооружённые группировки с территории страны, но мир остаётся хрупким. В результате военных действий в ЦАР медицинские учреждения, рынки, школы и места отправления культа были разграблены или использованы в военных целях, а мосты, дома и школы — разрушены. Из-за конфликта доступ людей к земле был ограничен, что привело к резкому сокращению сельскохозяйственного производства (на 40% относительно 2020 г.). Вооружённые группировки оккупировали поля, ограничивая крестьянам доступ к сельскохозяйственным угодьям и лишая их возможности собирать урожай [7].

По состоянию на 1 февраля 2021 г. было зафиксировано 396 нарушений положений Политического соглашения о мире и примирении в Центральноафриканской Республике. В отношении гражданских лиц было совершено 290 нарушений; в их числе незаконные военные действия, ограничения на передвижение, препятствование деятельности государственных учреждений, гуманитарных организаций и Организации Объединённых Наций. Большинство нарушений предположительно совершили силы национальной обороны и безопасности, а также группировка “Возвращение, восстановление в правах и реабилитация”, Союз за мир в Центральноафриканской Республике, ополчение “Антибалака”, Народный фронт за возрождение Центральной Африки и Патриотическое движение за Центральную Африку [7].

Гуманитарная ситуация в ЦАР продолжала ухудшаться в 2020 и 2021 гг.: в защите и помощи нуждались 63% населения, или 3.1 млн жителей ЦАР, включая жертв сексуального и гендерного насилия, пожилых людей и лиц с инвалидностью, причём таких высоких показателей не отмечалось уже пять лет. Насилие продолжало провоцировать перемещение населения. По состоянию на 1 февраля 2021 г. 692 тыс. человек были перемещены внутри страны и более 736 тыс. человек искали убежище в соседних странах [7].

#### ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В САХЕЛЕ И СУБСАХАРСКОЙ АФРИКЕ

Главным фактором, толкающим население Сахеля к миграции, является беспрецедентная

конфликтность в регионе. Слабость государств, десятилетиями не решающих жизненных проблем своих народов, оборачивается регулярными военными переворотами, ростом популярности экстремистских организаций как альтернативы безвластию и повсеместной эскалацией насилия. Почти 7 тыс. человек были убиты в результате нападений в Буркина-Фасо, Мали и Нигере в течение 2020 г. [8]. В последние годы радикальные джихадистские группировки развязали беспрецедентную волну нападений на гражданское население. Смертоносные межобщинные конфликты из-за ресурсов участились, и теперь на их долю приходится больше смертей, чем на религиозный экстремизм.

Истоки нынешнего кризиса в регионе восходят к 2012 г., когда малийское государство рухнуло в результате военного переворота и восстания этнических групп туарегов, которые образовали на севере Мали сепаратистское государство Азавад. Мали образца 2012 г. — слабое и хрупкое образование, практически лишённое официальных институтов, способных выработать устойчивые компромиссы на местном уровне. Вакуум власти заполнили исламистские радикалы: джихадистские группировки заключили союз с туарегами, и к концу 2012 г. вооружённая исламистская группировка “Ансар ад-Дин” и её союзники захватили города Кидаль, Тимбукту и Гао [9, р. 147]. Поскольку малийское правительство находилось в кризисе и было неспособно противостоять вооружённым группировкам, тогдашний президент Франции Ф. Олланд в январе 2013 г. начал операцию “Серваль”. Хотя она закончилась освобождением севера Мали от радикалов, уже в 2015—2016 гг. в центральных районах Мали вспыхнул новый конфликт. Насилие в основном было вызвано нападениями джихадистов, но коренилось в трениях между этническими общинами, особенно между догонами и фулани. Межобщинный конфликт в Мали перекинулся на соседние Буркина-Фасо и юго-запад Нигера. Начались столкновения между фулани и мосси в Буркина-Фасо, а также между фулани, туарегами и дауссахакками на западе Нигера. Франция ответила на это операцией “Бархан”, расширением сферы французской миссии на другие бывшие французские колонии в регионе — Буркина-Фасо, Мавританию, Нигер и Чад. Но внешнее военное вмешательство не принесло мира в Сахель. 2 января 2021 г. исламистские боевики убили более 100 мирных жителей в Тиллабери (Нигер), недалеко от границы с Мали и Буркина-Фасо [10]. Непосредственно в Мали ситуация остаётся крайне нестабильной: свою роль здесь играют политика жёсткой экономии, навязываемая МВФ, и конфликты, вспыхивающие по всей территории страны. В 2020 и 2021 гг. там совершились ещё два государственных переворота.

Ситуация в других частях Сахеля пока не такая тяжёлая, как в Мали, но все страны региона страдают от разной степени нестабильности и слабости государства. По отдельности ни одно из них не может адекватно реагировать на проблемы с обеспечением средств к существованию и тем более решить проблему миграции. Слабое место Мавритании – отсутствие национального единства: население этой исламской республики резко разделено на три различные этнокультурные группы, соперничающие и не признающие превосходства друг друга. Эта ситуация используется исламистскими повстанцами в регионе. В рядах таких групп, как “АКИМ” и “Аль-Мурабитун” много мавританцев, в коммюнике “АКИМ” от 8 мая 2018 г. Мавритания недвусмысленно упоминается в числе стран, на которые следует нападать сторонникам группы [11, р. 19].

Начиная с 2019 г. Буркина-Фасо страдает от нападений джихадистов больше, чем любая другая территория Сахеля: с 2017 по 2020 г. число нападений радикалов увеличилось на 44% [12]. В пограничном районе трёх государств, называемом Липтако-Гурма, отделяющем восточную часть Мали от Буркина-Фасо и Нигера, гнездятся не только остатки “Движения за единство и джихад в Западной Африке”, но и другие повстанческие формирования. К ним относятся прежде всего группировка, возглавлявшаяся Абу Валидом ас-Сахарави, которая присягнула на верность ИГИЛ, и “Ансар уль-ислам”, созданная уроженцем Буркина-Фасо Ибрагимом Маламом Дикко. Обе группировки превратились в жестокие повстанческие движения, прежде чем французским военным удалось ликвидировать обоих лидеров. Сложный комплекс факторов, включая нищету, неравенство и растущее присутствие воинствующих экстремистских образований, является причиной того, что с 2019 г. ситуация в Буркина-Фасо стала самым быстрорастущим гуманитарным кризисом в мире. С 2018 по 2020 г. число перемещённых лиц в Буркина-Фасо увеличилось более чем в 10 раз и составило чуть более миллиона человек [13].

Той страной Сахеля, через которую проходит маршрут миграции на север, в направлении Европы, с городом Агадесом в качестве главного центра миграции, является Нигер. Именно поэтому Нигер был выделен ЕС в качестве своего рода шлагбаума для африканских мигрантов на пути в Европу. Эта нищая, слабая страна по настоянию Европы принимает всё более репрессивные меры для сдерживания миграции и закрытия миграционных центров в северных районах страны.

Тяжелейшие последствия имели ожесточённые столкновения между боевиками незаконных вооружённых формирований в ДР Конго, начиная с марта 2022 г. Зафиксированы случаи маро-

дёрства, поджогов домов и взрывов на рынках, в ресторанах и местах отправления культа [3]. Вооружённые столкновения вынудили около 10 тыс. человек (в основном из района Рутчуру на востоке республики) бежать в соседнюю Уганду. Тысячи детей, женщин и мужчин прибыли с территории Рутчуру, расположенной в нескольких километрах от пограничного пункта Бунагана в угандийском районе Кисоро<sup>1</sup>. Кроме того, около 36 тыс. человек были перемещены в пределах ДР Конго. Большинство из них были размещены в принимающих семьях, на рынках или в школах. Условия безопасности затрудняют доступ к пострадавшим, поэтому для организации доставки гуманитарной помощи создаются целевые группы, например, под руководством УВКБ ООН и Всемирной продовольственной программы [14].

Многие лица, ищущие убежище, пересекают границу нелегально. УВКБ ООН создало систему для выявления и быстрого отслеживания людей, нуждающихся в экстренной помощи. Партнёры этой организации тоже реагируют на чрезвычайную ситуацию, в том числе местное самоуправление округа Кисоро и такие организации, как “Уход и помощь вынужденным мигрантам”, “Международные медицинские бригады”, “Врачи без границ”, “Международная организация спасения детей”, “Африканские инициативы по оказанию помощи и развитию”, Красный Крест Уганды и “Друзья Кисоро” [14]. На востоке ДР Конго, в провинции Южное Киву, действует Центр реабилитации женщин, пострадавших от сексуального насилия. Здесь трудится прославленный конголезский доктор Дени Муквеге. В 2014 г. он удостоен премии Сахарова, а в 2018 – Нобелевской премии мира. Бельгийская журналистка Коллет Брикман посвятила ему свою книгу под названием “Человек, который восстанавливает женщин” [15].

## МАРШРУТЫ МИГРАЦИИ В САХЕЛЕ

Миграция населения в Сахеле – явление не новое для региона, здесь издревле проживали кочевники-скотоводы. Поэтому этот процесс опирается на давние культурные обычаи и реалии жизни людей, которые часто выходят за рамки национальных границ, не отражающих социальную и культурную структуру общества. Добывание средств существования здесь, как правило, связано с доступом к природным ресурсам и зависит от сезонной динамики осадков. Хотя типы внутрирегиональной миграции сильно различа-

<sup>1</sup> Надо отметить, что понятие “граница” в большинстве африканских стран не всегда соответствует привычному нам – с установленными пограничными столбами и нейтральной зоной. Чаще всего границы проводятся по рекам, другим водоёмам или естественным преградам; нередко граница бывает чисто условной.

ются от страны к стране, в целом их можно охарактеризовать следующим образом: трудовая миграция в городские или прибрежные экономические центры; сезонная занятость и перегон скота; перемещение людей по линии племенного и скотоводческого общества; перемещение в ответ на конфликты, преследования, климатические и экстремальные погодные катаклизмы.

Все страны Сахеля входят в число пятидесяти наименее развитых стран мира. «Мы живём в одном из самых бедных мест на земле», – говорил бывший президент Мали Амаду Тумани Туре. Около 80% населения Сахеля имеют менее чем 1.9 доллара в день, и при этом прогнозируется рост населения региона с 90 млн в 2017 г. до 240 млн к 2050 г. [16].

Массовое перемещение населения в регионе отражает и усугубляет кризис продовольственной безопасности, поскольку доступ перемещённых лиц к сельскохозяйственным угодьям затруднён. Ещё один фактор кризиса в регионе – последствия изменения климата, которые напрямую влияют на жизнедеятельность значительной части населения. Температура в Сахеле повышается в 1.5 раза быстрее, чем в остальном мире, что приводит к чередующимся экстремальным засухам и наводнениям, снижению урожайности сельскохозяйственных культур и побуждает людей менять место жительства. Число тех, кто сталкивается с острой нехваткой продовольствия в Сахеле, за последние годы увеличилось с 3.9 до 7.4 млн, и если ситуация не улучшится, их станет ещё больше [17]. Пандемия COVID-19 повысила уязвимость населения региона. В дополнение к прямому негативному воздействию на общественное здоровье вирус вызвал целый ряд побочных эффектов, включая снижение экономической активности и доходов, потерю средств к существованию для многих и без того уязвимых групп населения, а также закрытие границ и ограничения на передвижение.

Следует сказать, что к настоящему времени Сахель стал ключевым коридором и отправным пунктом для тех, кто пытается добраться до Европы, часто с большим риском для себя. Значительная часть миграционных потоков, направляющихся в Европу, является нелегальной и проходит по двум опасным маршрутам: центральный (северный) через Сахару – из Нигера в Ливию и далее в Южную Европу, и западный – вдоль побережья Северной Африки, целью которого является Испания. Основной терминал центрального маршрута на Африканском континенте – ливийское побережье, а Италия – пункт прибытия в Европу. В Ливию африканские мигранты попадают из Нигера. Из города Ниамея, столицы Нигера, маршрут следует до города Агадес на северо-востоке страны. В этих областях экономика, по су-

ти, основана на торговле людьми и контрабанде. Миграционный путь продолжается в ливийском регионе Феццан, до города Сабха. Из Сабхи автоколонны доставляют людей на север, к западному побережью Ливии, откуда лодки выходят в море в направлении Италии. Пути миграции в основном совпадают с маршрутами контрабанды с юга на север и с севера на юг, где переправляются наркотики, сигареты, оружие, автомобили и запчасти, бензин. Здесь не доминирует какое-то одно преступное сообщество, группировки противостоят друг другу с оружием в руках, соперничая за гегемонию.

На север, в направлении Европы, отправляются жители Сахеля, имеющие в своём распоряжении значительные (по местным меркам) суммы денег. Невозможно попасть в Европу, не заплатив контрабандистам за их услуги. Как правило, потенциальные мигранты – молодые люди со средним или высоким уровнем образования, живущие в городских центрах, но не входящие в местные элиты и считающие, что на родине у них нет никаких перспектив [18, р. 381]. На северном маршруте мигранты подвергаются всему спектру опасностей нелегального путешествия: они рискуют быть задержанными государственными или негосударственными субъектами, которые подвергают мигрантов принудительному труду, сексуальной эксплуатации, пыткам, похищают их и даже убивают. Избегав задержания, переселенцы подвергаются опасности при пересечении Средиземного моря, где погибают 3.4% из них. В период с 2014 по 2018 г. Средиземное море стало братской могилой для почти 16 тыс. анонимных мигрантов [19].

Столкнувшись с пиком миграции в 2015 г., в попытке остановить поток прибывающих, Европейский союз и его государства-члены начали осуществлять политику экстернализации (недопущения) мигрантов [20, р. 16]. Нигер был выбран в качестве того места, далее которого мигранты не должны проникать. Другими словами, ЕС переместил южную границу Европы с северного берега Средиземноморья в Сахель. Были выделены миллиарды евро на укрепление местных правоохранительных органов и создание лагерей для содержания задержанных мигрантов. Стремясь укрепить собственные сектора безопасности и активизировать сотрудничество в целях развития, не только правительство Нигера, но и другие страны Сахеля активно взаимодействовали с европейцами [21, с. 645].

Из-за того внимания, которое уделяется ситуации с мигрантами в Европе, остаётся незамеченным, что большая часть миграции в Сахеле – внутрирегиональная и законная благодаря протоколам о свободном передвижении, которые применяются к большинству государств Западной

Африки. Гражданам Мали и Буркина-Фасо гораздо привычнее перемещаться в соседние более благополучные страны Африки [22, р. 602]. В случае Сахеля южный маршрут миграции ведёт в Кот-д'Ивуар и Гану. Этот маршрут сложился давно, ещё до разгула насилия в регионе, в те времена, когда практиковалась преимущественно экономическая миграция из Сахеля в прибрежные страны. Основными видами транспорта, которым пользуются мигранты, являются общественные автобусы и микроавтобусы. С возникновением COVID-19 и связанных с ним ограничений на трансграничное передвижение в качестве транспортных средств всё чаще используются мотоциклы и небольшие автобусы, которые ездят по просёлочным дорогам, чтобы обойти официальный пограничный контроль.

Чтобы попасть из Буркина-Фасо в Кот-д'Ивуар, беженцы и мигранты направляются в ключевой транзитный пункт город Кайя, а затем пользуются железнодорожными маршрутами до городов Уагадугу, Бобо-Диуласо и Банфора. По пути в Гану, в которую отправляется гораздо меньше переселенцев, ключевыми транзитными городами являются Лео и По, оба расположены недалеко от северной границы с Буркина-Фасо. Граждане Мали, желающие мигрировать в Кот-д'Ивуар, отправляются в города Сикассо и Мопти, а для переезда в Гану транзитными зонами становятся города Гао и Тимбукту [23, р. 12].

Подавляющее большинство людей, путешествующих по южному маршруту, — молодые, трудоспособные мужчины с низким уровнем образования. Большинство из них — трудовые мигранты, занятые сезонным сельскохозяйственным трудом на севере Ганы. Часть работников — мужчины, которые в районах своего происхождения занимались добычей полезных ископаемых, они мигрируют в том случае, если в местах их обычного проживания начинаются конфликты, и они лишаются средств к существованию. Эта категория работников стремится трудоустроиться на золотых приисках в Кот-д'Ивуаре. Начиная с 2018 г. представители правительств Ганы и Кот-д'Ивуара отмечают рост числа жителей Сахеля, прибывших в эти страны вследствие вооружённых конфликтов: в 2018 г. их было зарегистрировано всего около 300 человек, а в период с 2019 по 2020 г. уже 1158 человек [23, р. 14]. В состав этой группы, как сообщается, также входили женщины и дети.

Хотя миграции из стран Сахеля в направлении южных соседей являются традиционными для этих народов, с ростом числа мигрантов, вынужденных покидать места жительства из-за конфликтов, возросли и риски безопасности. Мигранты могут подвергаться вымогательству, кражам, произвольным задержаниям, трудовой эксплуатации, сексуальному насилию. На фоне

эпидемии COVID-19 более частыми стали отказы во въезде и выдворение лиц, ищущих убежища, и лиц, имеющих право на пересечение границы. Именно COVID-19 и связанные с ним ограничения на передвижение послужили тому, что и на южном маршруте мигранты вынуждены прибегать к услугам контрабандистов, чтобы попасть в Гану и Кот-д'Ивуар нелегальным образом.

### ПОЛИТИКА ЗАПАДНЫХ СТРАН И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ

Общеизвестно, что приток населения из-за ружбежа нередко становится источником серьёзных проблем для принимающих стран, власти которых вынуждены перестраивать свою политику, выделяя необходимое финансирование на обустройство прибывающих. Кроме того, возникают непредвиденные вызовы и риски, связанные с безопасностью гражданского населения стран-реципиентов. Довольно часто власти, не имея возможности разместить беженцев на своей территории и снабдить их минимальным необходимым довольствием, видят выход из создавшегося положения в высылке мигрантов на родину или в третью страну. Характерно, что представители этнических меньшинств высылаются в первую очередь и особенно часто<sup>2</sup>. Высылка беженцев по этническому признаку производилась из ЮАР, Нигерии, Замбии, Заира (теперь ДР Конго), Бенина, Экваториальной Гвинеи и других африканских стран [24, с. 20]. По мнению сенегальского исследователя Нзога Робера, «на протяжении уже длительного времени меры по предотвращению потоков беженцев имеют дискриминационный характер, что затрудняет их доступ в страны, где они могли бы обрести кров и поддержку» [25].

По данным на апрель 2022 г., УВКБ ООН получило лишь 9% необходимого финансирования (343.3 млн долл.) для операций в Уганде, где находится больше беженцев, чем в любой другой стране Африки. В ДР Конго гуманитарные потребности более 5.6 млн внутренне перемещённых лиц остаются в значительной степени неудовлетворёнными из-за отсутствия финансирования: операции УВКБ ООН финансируются только на 8% из требуемых 225.4 млн долл. [14].

Что касается властей африканских стран, откуда устремляются потоки беженцев, то они испытывают существенные трудности при выработке консолидированных решений. Дело в том, что исторически народы субсахарской Африки замыкались на собственных социально-культурных ценностях без опоры на солидарность с другими странами и народами региона. Иллюстрирую-

<sup>2</sup> Этнические меньшинства — малочисленные народы, которые иногда составляют 1% от всего населения страны.

шим примером длительных проволочек может служить ратификация договора о сотрудничестве в рамках СЕМАС (Торгово-экономический союз стран Центральной Африки); эта организация была создана в 2000 г., но соответствующий договор ратифицирован лишь в 2017 г. [26].

Для Люка Камбрези, учёного-географа из Марсельского исследовательского института по развитию, урегулировать ситуацию возможно совместными усилиями африканских стран при поддержке таких специализированных международных организаций, как УВКБ ООН [13]. Доктор юридических наук из Лиможского университета (Франция) Ж.-Ж. Пумо Лембе видит решение проблемы в изменении существующих международных документов по правам беженцев [27].

Отягчающим фактором, влияющим на общее положение в Сахеле, в частности, на ситуацию с миграцией, следует считать эгоистичную политику ЕС и особенно Франции в регионе. Наряду с ужесточением миграционных правил с 2015 г. Запад делает всё для новой милитаризации Сахеля. Страны региона, которые являются бывшими французскими колониями, столкнулись с восставлением власти Франции. После инициированной бывшей метрополией войны НАТО против Ливии в 2011 г. и вызванной ею дестабилизации Франция осуществила военное вмешательство в Мали в рамках операции “Бархан”, а затем – вместе с вооружёнными силами США – в рамках Сахельской платформы G5. Главный аргумент в пользу французского и американского вмешательства в Сахеле – борьба с терроризмом. Возвращение французских военных в Центральную Африку привело к формированию повестки дня, которая, по-видимому, больше направлена на удовлетворение потребностей Европы, чем Сахеля. Осуществляется это в том числе через такой институт, как платформа G5. Сахельская группа G5 была создана в г. Нуакшоте, в Мавритании, в 2014 г. и объединила правительства Буркина-Фасо, Чада, Мали, Мавритании и Нигера для сотрудничества в связи с ухудшением ситуации в области безопасности в Сахельском поясе. Формирование G5 поощрялось французским правительством, в начале 2017 г. под давлением Франции страны G5 создали Объединённые силы G5 (FC-G5S), военный альянс для борьбы с угрозами безопасности. Объединённые силы G5 в Сахеле получили поддержку Совета Безопасности ООН для проведения военных операций в регионе. Однако вскоре правительства стран Сахеля убедились в том, что главной целью для Франции является не борьба с терроризмом, а проблема миграции. Вместо того чтобы позволить мигрантам добраться до ливийского побережья и попытаться пересечь Средиземное море, ЕС создал периметр в Сахеле с целью ограничить движение мигрантов за его пределы. Под нажимом Фран-

ции и США страны G5 вынуждены тратить от 17 до 30% своих небольших бюджетов на вооружённые силы. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, три из пяти стран Сахеля за последнее десятилетие астрономически увеличили свои военные расходы: Буркина-Фасо на 238%, Мали на 339% и Нигер на 288% [28].

Такие траты на вооружение при отсутствии прогресса в развитии экономики подрывают любые попытки стран Сахеля вырваться из замкнутого круга нищеты и насилия. Отсутствие поддержки в решении реальных проблем в регионе привело к военным переворотам в трёх из пяти стран: Буркина-Фасо, Чаде и Мали. Когда на седьмом саммите G5 в феврале 2021 г. главы государств призвали к “глубокой реструктуризации долга стран G5”, ответ МВФ был отрицательным [29]. Частью бюджетной проблемы являются требования, предъявляемые к этим государствам. Например, Франция продолжает требовать опережающего увеличения их военных расходов по сравнению с затратами на гуманитарную сферу и развитие. Политика Запада вызывает глубокое разочарование правительства стран Сахеля. Вследствие этого 15 мая 2022 г. правительство Мали объявило, что оно намерено выйти из G5. В его заявлении прозвучали обвинения в адрес “внерегионального государства” (то есть Франции) в том, что она использует G5 в собственных интересах. А за некоторое время до этого военные власти Мали потребовали от французских военных покинуть территорию страны [30]. Признаки беспокорства относительно политики Франции распространяются по всему региону. Примеру Мали могут последовать и другие участники группы G5, что будет означать крах французского проекта в Сахеле, а значит, и попыток ограничить миграцию людей с глобального Юга в Европу.

\*\*\*

Таким образом, основными причинами массового перемещения населения в Африке являются вооружённые конфликты, вызванные слабостью государств, этническим сепаратизмом и бедностью. В таких условиях деятельность радикальных джихадистских группировок, позиционирующих себя как альтернативу безвластию, вылилась в беспрецедентное насилие. Значимым фактором роста миграционных потоков является, кроме того, продовольственный кризис – вследствие конфликтов за ресурсы и изменения климата. С увеличением числа мигрантов, вынужденных покидать родные места, возрастают риски их личной безопасности. Мигранты подвергаются вымогательствам, кражам, произвольным задержаниям, трудовой эксплуатации, сексуальному насилию.



Регион Сахеля стал для Африки ключевым коридором и отправным пунктом для тех, кто пытается добраться до Европы. Из-за ограниченных легальных путей большая часть миграции в Европу остаётся нелегальной и проходит по двум опасным маршрутам: центральный маршрут через Сахару из Нигера в Ливию и далее в Южную Европу и западный – вдоль побережья Северной Африки, целью которого является Испания. Маршрут миграции на север проходит через Нигер, который был определён ЕС в качестве своего рода шлагбаума для африканских мигрантов на пути в Европу. Эта нищая, слабая страна по настоянию Европы принимает всё более репрессивные меры для сдерживания миграции и закрытия миграционных центров в северных районах страны. Но стратегия ЕС по обузданию перемещения людских потоков из Сахеля путём экстернализации оборачивается провалом. Эта политика, осуществлявшаяся за счёт населения Африки в исключительных интересах ЕС, является недальновидной и бесперспективной. Её негативные экономические последствия мешают развитию стран Центральной Африки и Сахеля, ставят под угрозу жизнь людей и региональную стабильность.

Решить проблему миграций или хотя бы снизить её интенсивность, как представляется, можно, помогая странам региона развиваться политически и экономически, направляя ресурсы в экономику, а не на вооружения. Важная роль в обеспечении безопасности границ и гражданского населения принадлежит силовым структурам самих африканских государств при опоре на международную помощь. В ближайшей перспективе миграции на континенте и в направлении Европы, по-видимому, будут продолжаться, а при сохранении современной нестабильной военно-политической и экономической ситуации усиливаться.

#### ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00123 (<https://rscf.ru/project/22-18-00123/>).

#### ЛИТЕРАТУРА

1. УВКБ ООН: глобальное перемещение бьёт очередной рекорд, завершая десятилетнюю тенденцию к росту. 16 июня 2022. <https://www.unhcr.org/ru/29241-global-trends-2021.html>
2. UNHCR. Tendances mondiales déplacement forcé en 2021. <https://www.unhcr.org/fr/62aae6e24>
3. Защита гражданских лиц в вооружённом конфликте. Доклад Генерального секретаря Организации Объединённых Наций S/2022/381. 10 Май 2022. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/321/75/PDF/N2232175.pdf?OpenElement>
4. Конфликты, насилие и изменение климата привели к увеличению числа перемещённых лиц в 2021 году. 15 ноября 2021. [https://www.unhcr.org/ru/27437-mid-year\\_trends.html](https://www.unhcr.org/ru/27437-mid-year_trends.html)
5. Operational portal refugee situations: Burkina Faso // United Nations High Commissioner for Refugees. 10 November 2020.
6. Сепаратизм в Африке южнее Сахары // Коллективная монография. М.: Институт Африки РАН, 2021.
7. Центральнаяафриканская Республика. Доклад Генерального секретаря Организации Объединённых Наций S/2022/119. 16 February 2022. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/251/74/PDF/N2225174.pdf?OpenElement>
8. Global Center for the Responsibility to Protect 2021: 5 (ed.) (2021): R2P Monitor (56). [https://www.globalr2p.org/wp-content/uploads/2021/03/R2P\\_Monitor\\_March2021\\_Final.pdf](https://www.globalr2p.org/wp-content/uploads/2021/03/R2P_Monitor_March2021_Final.pdf)
9. *Thurston A.* Jihadists of North Africa and the Sahel. The Mali–Niger–Burkina Faso Borderlands. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
10. Sidelining the Islamic State in Niger’s Tillabery // International Crisis Group 3. June 2020. <https://www.crisisgroup.org/africa/sahel/niger/289-sidelining-islamic-state-nigers-tillabery>
11. *Potter G.D.* The renewed jihadi terror threat to Mauritania // CTC Sentinel. 2018, August. P. 16–20.
12. *Mahanty D.* Niger: A Bulwark against Further Instability in West Africa // Center for Strategic & International Studies. July 24, 2019. <https://www.csis.org/analysis/niger-bulwark-against-further-instability-west-africa>
13. *Lazarides N.* Burkina Faso: Jihadists’ Ethnic Strategy and the Koglweogo Problem // Terrorism Monitor. 2019. V. 17 № 23. <https://www.ecoi.net/en/document/2022009.html>
14. Вооружённые столкновения в ДР Конго вынудили тысячи людей бежать в Уганду в поисках безопасности. Апрель 2022. <https://www.unhcr.org/ru/28611-drc-refugees-in-uganda.html>
15. *Braeckman C.* L’Homme qui répare les femmes. Violences sexuelles au Congo. Bruxelles: Ed. GRIP, 2012.
16. *Ousmane Diagana.* The World Bank can only accomplish its mission of ending extreme poverty in Africa by prioritizing the Sahel region // The World Bank. <https://www.worldbank.org/en/news/opinion/>
17. *Yayboke E., Aboneaaj R.* Peril in the Desert: Irregular Migration through the Sahel // Center for Strategic and International Studies. <https://www.csis.org/>
18. *Villalón L.A.* The Oxford Handbook of the African Sahel. Oxford Handbooks, 2021.
19. *Reynaud de Sousa B.* Migration, the Sahel and the Mediterranean basin: which scenario for the EU27 by 2025? // JusGov Research Paper. April 5, 2022. № 01. <https://ssrn.com/abstract=4075886> or <https://doi.org/10.2139/ssrn.4075886>
20. *Deridder M., Pelckmans L., Ward E.* Reversing the gaze: West Africa in the tension between migration, development and security in the EU // Anthropologie & développement. № 51. 2020. P. 9–32.



21. *Захаров И.А., Дмитриев Р.В.* Проблема регулирования миграционной системы “Европа–Африка–Ближний Восток” в условиях региональных конфликтов // Международный демографический форум “Демография и глобальные вызовы”. Воронеж, 2021. С. 641–646.
22. *Pantserev K.A., Sidorova G.M., Zherlitsina N.A.* African Countries in the Epoch of Information Globalization: New Challenges in the New Age // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2019. Т. 11. Вып. 4. С. 590–605.
23. The impact of the Sahel conflict on cross-border movements from Burkina Faso and Mali towards Côte d’Ivoire and Ghana // MMC Research Report. May 2021.
24. *Гусаров В.И.* Статус беженцев и их отличие от мигрантов и перемещенных лиц // Беженцы в Африке. М.: Институт Африки РАН, 2004. С. 8–17.
25. *Nsoga Robert Ebenezer:* Le droit d’asile au prisme des crises migratoires contemporaines: Calculs politiques, ambiguïtés dans l’opérationnalisation de la protection internationale. Le droit d’asile en déclin? Paris: Ed. Univ Européenne, 2018.
26. La Conférence des Chefs d’Etat. 25 Juin 2015. [https://www.cemac.int/sites/default/files/inline-files/Actes\\_suppression\\_Visa\\_CEMAC.pdf](https://www.cemac.int/sites/default/files/inline-files/Actes_suppression_Visa_CEMAC.pdf)
27. *Leumbe Jean-Jacques Parfait Poumo.* A la recherche du statut juridique des déplacés environnementaux: En Droit International. Université de Limoges: Presses Académiques Francophones, 2016.
28. Pursuing elusive stability in the Sahel // Stockholm international peace research institute. <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2019/pursuing-elusive-stability-sahel>
29. Ignoring Sahel Region Will Have “Disastrous Implications” for West Africa // Peace Operations Chief Warns Security Council. Meetings Coverage and Press Releases. 16 November 2020. <https://press.un.org/en/2020/sc14358.doc.htm>
30. *O’CONNOR T.* France’s Military Presence in Africa Faces Reality Check As Mali Cuts Ties // Newsweek. 5.4.2022. <https://www.newsweek.com/frances-military-presence-africa-faces-reality-check-mali-cuts-ties-1703258>